

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ И СВЕТОНОСНАЯ СМЕРТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА

Диакон Дионисий Макаров
/ Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д., диак. Память смертная и светоносная смерть в творчестве И. С. Шмелёва // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 236–259. DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.010

Аннотация

УДК 82.091 (27-29) (821.161.1)

Основная цель исследования — продолжить изучение проблемы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, в частности выявить понимание проблемы памяти смертной в произведениях писателя, а также рассмотреть особенности художественного изображения смерти как светоносного явления. В работе применяются сравнительно-исторический метод и метод филологического анализа. Для достижения указанной цели анализируются художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречается тема смерти, в частности, романы «История любовная», «Лето Господне», «Пути Небесные», повесть «Богомолье», «Росстани», «Солнце мёртвых» и другие. Особенности изображения светоносной смерти рассматриваются в творчестве И. С. Шмелёва в сопоставлении с произведениями Л. Н. Толстого, затрагивающими аналогичную тему. Наиболее важные результаты исследования: положительный герой прозы Шмелёва живёт с постоянной памятью смертной, что соответствует одной из основных православных святоотеческих аскетических установок. В отличие от Л. Н. Толстого, И. С. Шмелёв подходит к художественному изображению смерти как к явлению светоносному также в традициях православного богословия. Статья продолжает рассмотрение темы смерти в творчестве И. С. Шмелёва, начатую в предыдущей работе.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Иван Сергеевич Шмелёв, тема смерти, память смертная, духовное делание.

Mortal Memory and Luminous Death in the Works of I. S. Shmelev

Deacon Dionysius Makarov / Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dionysius, deacon. "Mortal Memory and Luminous Death in the Works of I. S. Shmelev". *Theological Herald*, no. 2 (53), 2024, pp. 236–259 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.010

Abstract. The main purpose of the research is to continue studying the problem of death in the works of I. S. Shmelev, in particular, to reveal an understanding of the problem of mortal memory in the works of the writer, as well as to consider the features of the artistic depiction of death as a luminous phenomenon. The comparative historical method and the method of philological analysis are used in the work. To achieve this goal, the works of I. S. Shmelev are analyzed, in which the theme of death occurs, in particular, the novels «Love Story», «Summer of the Lord», «Heavenly Paths», the story «Pilgrimage», «Rosstani», «The Sun of the Dead» and others. The features of the image of the luminous death are considered in the works of I. S. Shmelev in comparison with works dealing with a similar topic in the works of L. N. Tolstoy. The most important results of the study: the positive hero of Shmelev's prose lives with a permanent mortal memory, which corresponds to one of the main Orthodox patristic ascetic attitudes. Unlike L. N. Tolstoy, I. S. Shmelev approaches the artistic depiction of death as a luminous phenomenon also in the traditions of Orthodox theology. The article continues the consideration of the topic of death in the works of I. S. Shmelev, which was started in the previous work.

Keywords: literature of the Russian diaspora, the work of Ivan Sergeevich Shmelev, the theme of death.

** The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research grant 21-012-41004 «Medieval Russian-Jewish Contacts and Slavic Targum».

Иван Сергеевич Шмелёв подходит к художественному осмыслению проблемы смерти многогранно и разносторонне, что само по себе создаёт проблему, требующую, в свою очередь, комплексного исследования, поэтому внутри темы смерти необходимо выделить несколько подтем. Во-первых, мотив «памяти смертной», то есть жизни с постоянной мыслью о смерти, которая является одним из элементов православного духовного делания. Во-вторых, мотив «светоносной смерти».

1. Мотив памяти смертной

Рассматривая смерть под разными углами зрения, писатель концентрирует внимание читателя на различных аспектах её восприятия. Зримо выделяется частный мотив памяти смертной. Именно с этого мотива начинается звучать тема смерти в романе «Лето Господне»:

«Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается, и надо готовиться к той жизни, которая будет... где? Где-то на небесах... и слышен плачущий и зовущий благовест — по-мни... по-мни... Это жалостный колокол по грешной душе плачет»¹.

«По-мни... по-мни...» — о чём? О смерти и о том, что будет за ней, о «той» жизни.

Шмелёв постоянно заостряет внимание на том, что сознание православного человека сконцентрировано на «последних вещах»: смерти, посмертном суде, аде, рае. Так, например, Горкин, как уже было отмечено в критике, «тихо, истово и подготовительно помышляет о смерти»². В каморке у него висят картинки: «Смерть праведника» и «Смерть грешника», «Страшный Суд». То, что автор помещает перед глазами Горкина именно эти, а не другие сюжеты, говорит о том, что для Шмелёва чрезвычайно важно подчеркнуть в образе Горкина именно эту черту — память о смерти. Эта истина крепко запечатлена и в сознании Горкина. Он не раз говорит:

«Все будем под крестиком лежать, под Господним кровом»³.

Но он не только помнит, но и приуготовляется:

1 Шмелёв И. С. Лето Господне // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 1998. С. 17.

2 Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв. Москва, 1991. С. 190.

3 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 250–251.

«Я уже загодя распорядился, со мной чтобы крест этот положили во гроб»⁴.

И в этом приуготовлении и памятовании нет ничего надрывного, трагического и совсем нет страха.

Подобное спокойное знание о предстоящей смерти присуще, конечно, не только шмелёвским героям, но и, например, тургеневским и толстовским. В частности, в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» крестьянин Герасим, который «один не лгал, <...> один понимал, в чем дело», говорит: «Все умирать будем»⁵. Один из ведущих европейских исследователей проблемы смерти Ф. Арьес объясняет такое отношение к смерти «близостью к деревенским народным корням сознания»⁶. Л. Н. Толстому оно явно импонировало. Видимо, он и сам хотел так же относиться к смерти, и когда пришла его смерть, то «на своём смертном одре, на маленькой станции, он со стоном повторял: “А мужики? Как же мужики умирают?”»⁷ И. С. Тургенев тоже не может удержать своего удивления-восхищения: «Да, удивительно умирают русские люди!»⁸ Его героиня Лукерья (рассказ «Живые мощи»), узнав о сроке своей смерти во сне, спокойно ожидает её, веруя, что для её болезни «в царстве небесном... уже места не будет»⁹. Старушка-помещица (рассказ «Смерть») уже на смертном одре сама «хотела заплатить священнику за свою собственную отходную»¹⁰.

Всё это явления одного порядка, и причины такого отношения к смерти русского человека кроются в его укоренённости в православной вере. Необходимо только добавить, что, сравнивая И. С. Шмелёва с его литературными предшественниками, находим у него большую углублённость в проблему смерти в целом и в её православное решение в частности, а также наиболее яркое изображение этого спокойного, примирительного отношения к смерти. Так, герои очерка «Старый Валаам», монахи, все живут с этой памятью. Старец-схимник в дальнем скиту говорит юноше-студенту (автобиографический герой):

4 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 251.

5 Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // ПСС. 1936. Т. 26. С. 98:25–26.28.

6 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Москва, 1992. С. 52.

7 Там же. С. 41.

8 Тургенев И. С. Смерть // Он же. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. Москва, 1971. С. 193.

9 Тургенев И. С. Живые мощи // Он же. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. Москва, 1971. С. 309.

10 Тургенев И. С. Смерть. С. 199.

«Все отойдём в свой срок, нас будут поминать. Человек, яко трава, дни его... В лесу живём, по чапыге ползём, неприметно, тихо... ан к могиле-то и подполз, и зарыли... вся и жизнь тленная, земная... День отжил — к могиле пододвинулся...»¹¹

И. С. Шмелёв отмечает, что эта память всеобща как для монахов, так и для благочестивых мирян. Все герои-монахи, особенно знаменитые исторические персонажи, у И. С. Шмелёва помышляют о смерти. У прославленного строителя Валаама, игумена Дамаскина, в келии стоит «дощатый гроб»¹² — для напоминания. В повести «Росстани» схимонах Сысой, бывший «ругатель» («драчливей его не было во всей округе»¹³), вот уже тридцать лет в монастыре живёт с памятью смертной, готовится:

«Вот готовится человек, важное у него есть, своё, за жизнью. К это-му-то важному и готовится... тридцать лет...»¹⁴.

Характеризуя это помышление, И. А. Ильин даёт ему два эпитета: «тихое» и «подготовительное»¹⁵. Ни один из эпитетов не говорит ни об унынии, ни о каком-то надрыве. Налицо парадокс: память смертная не омрачает жизни героям И. С. Шмелёва, не лишает их ни радости, ни деятельных сил, ни благодарности Богу.

Так, игумен Дамаскин, имея в келии гроб, отстраивает и оборудует по последнему слову техники Валаамский монастырь. Горкин, распоряжаясь о своих похоронах, является прекрасным плотником-филенщиком, а также «хозяйским глазом» на всех важных работах и совестью всего дома Шмелёвых. Эта концентрация внимания на «последних вещах»: смерти, посмертном суде, воздаянии, аде, рае»,¹⁶ — на церковном языке называемая «память смертная» утверждается И. С. Шмелёвым как занимающая одно из центральных мест в душевном устройстве православного человека.

Известнейший духовный писатель XIX в. свт. Феофан Затворник в одном из писем даёт духовной дочери, а через неё и всем христианам, такой совет:

- 11 Шмелёв И. С. Старый Валаам // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 1998. С. 399.
- 12 Там же. С. 416.
- 13 Шмелёв И. С. Росстани // *Он же*. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1998. С. 188.
- 14 Там же. С. 189.
- 15 Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв. С. 190.
- 16 Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. Москва, 1992. С. 9.

«Страх смерти, и по смерти суда и воздаяния, да не отходит от вас. С утра, вместе с тем, как восстанавливать будете память о Господе в сердце, позаботьтесь привязать к нему память и о сих последних. Затем и будьте с сим помышлением неотлучны весь день, как и с Господом. И ко сну отходя, говорите: “Се ми гроб предлежит! Се ми смерть предстоит! Увидите, каких охранителей найдёте вы в них”»¹⁷.

Святитель делает очень существенное дополнение:

«Память смерти не подавляет и не угрюмость наводит, а только возбуждает сторожевую бдительность над собою»¹⁸.

Иначе говоря, она имеет функцию предохранения от грехов:

«Всегда помни, человек, о смерти и изменении всех вещей — и никогда безумно не привяжешься к настоящему; помни последняя твоя — и во веки не согрешиши, говорит Сирах» (Сир. 7, 39).

Так же говорит и святитель Димитрий Ростовский в «Алфавите духовном»¹⁹.

У И. С. Шмелёва память смертная выполняет аналогичную функцию: предохранить человека от грехов и приготовить его к вечной жизни. Так Горкин обучает Ваню правильно относиться к смерти и всегда помнить о ней:

«Это уж ты будь спокоен за папашеньку. Отойдёт праведной кончиной и будет дожидать нас, а мы приутовляться должны, добрую жись блюсти. А то, как праведности не заслужим, вечная разлука будет, во веки веков аминь»²⁰.

Чтобы смерть не застала внезапно, Горкин учит Ваню «приутовляться»:

«Добрую жись блюсти... держать папашеньку за пример»²¹.

Именно этот аспект памяти смертной отмечает Э. И. Абуталиева, утверждая, что смерть у Шмелёва — «это не обрыв времени личного

17 *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. Ленинград, 1991. С. 169.

18 Там же.

19 *Димитрий Ростовский, свт.* Алфавит духовный // Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. Т. 1. Москва, 1839. С. 385. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/alfavit/2_9

20 *Шмелёв И. С.* Лето Господне. С. 359.

21 Там же.

существования, и потому мысли о ней вызывают не отчаяние, а отвращение ко греху, который может помешать *потом всегда быть со всеми вместе*»²².

Примечательно, что память смертная у И. С. Шмелёва помогает герою не только отвратиться от зла, но и сотворить благо. В повести «Росстани» Данила Степанович нравственно пробуждается и начинает творить добрые дела после посещения монастыря и появления в его сознании мыслей о том, что необходимо готовиться к смерти:

«И стало ему грустно и тревожно. А он-то что же не готовится?»²³

Интересно, что герою стало «грустно и тревожно» не от мысли о смерти, а от того, что он не имел ранее памяти смертной и не готовился к смерти! Также, только задумавшись о скором конце своём, он начинает замечать людское страдание:

«И вспомнилось, сколько их ходит к Арише, а она каждому выносит ломоть хлеба. А в городе и просить не дозволяют»²⁴.

Заметив чужую боль, Данила Степанович впервые проявляет сострадание, преодолевает свой эгоизм:

«Нехорошо. Для таких должны быть богадельни, чтобы хоть умирать было где. В каждой деревне бы такие дома что ли бы надо...»²⁵.

И он уже думает свой дом оставить для бедных и начинает творить милостыню:

«И стал день за днём раскрывать свой большой кошелек и раздавать пятаки...»²⁶.

Таким образом, И. С. Шмелёв показывает, что одним из оснований добрых дел может быть память о смерти.

Образ Данилы Степановича из рассказа «Росстани» имеет явные евангельские корни. Например, он вполне сопоставим с образом евангельского мытаря Закхея, который приходит к покаянию и начинает творить милостыню после встречи со Христом. Можно провести и ещё

22 Абуталиева Э. И. Пространство и время как категории художественного сознания в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне» // Литература и культура в контексте христианства. Труды 2 международной научной конференции. Ульяновск, 1999. С. 71–73.

23 Шмелёв И. С. Росстани. С. 189.

24 Там же. С. 191.

25 Там же.

26 Там же.

одну параллель с Евангелием: по содержанию повесть «Росстани» вполне может восходить к евангельской притче о богаче и Лазаре. Данила Степанович — типичный евангельский богач, который *одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно* (Лк. 16, 19). Всем известно, чем закончилась притча: куда после смерти попал богач, а куда — Лазарь. Однако у И. С. Шмелёва иной финал: богач, хоть и в самом конце жизни, пусть и в *единонадесятый час* (Мф. 20, 1), но всё же прорывает губительный круг эгоизма, начинает благотворить, пытается спастись, исполнив заповедь о милосердии. И это милосердие не пропадает даром, оно действительно приносит плод: И. С. Шмелёв убедительно показывает, что Данила Степанович избегает участи евангельского богача. Основным же толчком к нравственному пробуждению героя и источником его дел милосердия послужила пробудившаяся в нём память о смерти — воспоминание о необходимости готовиться к вечности.

Следующая особенность: память смертная, соединённая с верой в бессмертие, растревоживает шмелёвского героя, отрывает его от всех земных вещей и забот и заставляет задуматься о душе — уйти в богомолье и отправиться на поиски Царства Небесного. Так, в повести «Богомолье» отец Вани Сергей Иванович сначала не хочет отпускать Горкина в Троице-Сергиеву Лавру, но когда тот напоминает ему о смерти, устоять уже не может:

- «— А всех делов, Сергей Иваныч, не переделаешь. И годы мои такие, и...
- А, помирать собрался?
- Помирать не помирать, это уж Божья воля, а... как говорится, делов-то пуды, а она — туды!
- Как? кто?.. Куды-туды?.. — спрашивает с раздражением отец, замахиваясь вожжой.
- Известно, кто. Она ждать не станет: делà ли, не делà ли, а всё покончит»²⁷.

После этого разговора Сергей Иванович не только отпускает Горкина, но и сам, несмотря на самый разгар сезонных работ, находит время совершить поездку в Троице-Сергиеву Лавру.

Тем самым И. С. Шмелёв показывает, что русский православный человек, при всей своей преданности делам земным, всё же не отдавал им всего сердца, не погружался в них до того, чтобы и вырваться уже

не мог, осознавая себя странником и гостем на земле, обязанным поэтому прежде всего заботиться о душе бессмертной. А память смертная занимала очень важное место в его сознании: уберегала его от греха, побуждала к деланию добрых дел, не омрачая при этом жизни, а придавая ей высокое значение устремлённости от земного к вечному.

2. Светоносная смерть: сходства и различия у И. С. Шмелёва и Л. Н. Толстого

Земное не перевешивает небесное у героев И. С. Шмелёва. Но земное и не противопоставляется небесному, как греховное — святому. По этому поводу автор монографии и двух диссертаций по творчеству И. С. Шмелёва А. П. Черников сделал такой вывод:

«Концепция мира и человека обусловлена в творчестве Шмелёва единством двух начал — материального и духовного, бытового и религиозного»²⁸.

Всё материальное и бытовое (конечно, за исключением греховного) в художественной картине мира И. С. Шмелёва пронизано духовным, изнутри наполнено благодатью.

И. С. Шмелёву чуждо так характерное для платонизма, гностицизма и индуизма противопоставление плоти и духа — «этого» (земного) и «того» (загробного) мира. Земное незримо соединяется в мировоззрении И. С. Шмелёва с небесным. Автобиографический герой романа «Лето Господне» видит мир «светлым и чистым... полным солнечного сияния, радостным и бестревожно-счастливым»²⁹. Источником же этих радости, тепла, чистоты и света является у Шмелёва Сам Господь Бог. По И. С. Шмелёву, весь мир «благословлён» и «просвещён» Богом: «Всё — Господь»³⁰. И мир прекрасен у И. С. Шмелёва не сам по себе, как противопоставленный Богу и ещё не очищенный, но прекрасный космос, а как творение Божие, искупленное, очищенное Христовой Жертвой, несущее на себе печать своего Творца, пронизанное, как воздух, преобразующими его лучами Солнца Правды, светом Его любви и заботы.

28 Черников А. П. Проза Шмелёва: концепция мира и человека. Калуга, 1995. С. 37.

29 Прокопов Т. Ф. Москворецкий златоуст // Шмелёв И. С. Неупиваемая Чаша: Романы. Повести. Статьи. Москва, 1996. С. 7.

30 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 517.

Горкин знает и чувствует, что весь мир: все вещи и люди, птицы, звери и вся природа, вся вселенная — всё пронизано и «просвещено»³¹ светом Божественной любви. Именно так начинает воспринимать мир и Ваня:

«И всё, что ни вижу я, кажется мне святым»³².

И своего воспитателя видит Ваня святым:

«И Горкин совсем особенный — тоже священный будто... Сияние от него идёт, от седенькой бородки, совсем серебряной, от расчёсанной головы. Я знаю, что он святой. Такие — угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты»³³.

Мир и человек в восприятии мальчика — святые. А святость «стоит в причастности человека Богу, его обоженности, в его преображении под действием Божией благодати»³⁴. И ребёнок понимает сердцем, что мир и человек хороши не сами по себе и что не безликие космические силы природы оживляют и преображают их, а Бог животворит, просвещает и благословляет всё Своё Творение, даёт человеку и миру жизнь, радость и свет.

Важнейшее наблюдение И. С. Шмелёва: жизнь верующего человека — светлая и радостная (даже если он терпит скорбь), чистая от греховных вождлений, злобы и лжи. И сам он (истинно верующий человек) преображается, становится похожим на ангела, как Горкин, у которого лицо — «как у херувима».

Мир и человек изображаются у И. С. Шмелёва преображёнными благодатью Божией, которая в художественном мире писателя находит воплощение в образе света. О значении и символике образа света у этого писателя говорилось в статье об эволюции световых образов в его творчестве³⁵, где было показано, что «светоносность» является одним из главных художественных атрибутов положительного героя у И. С. Шмелёва. Примечательно, что и смерть святых и праведных людей у изучаемого писателя также обладает этим признаком, поэтому необходимо рассмотреть, какую роль играет образ света в концепции

31 Там же.

32 Шмелёв И. С. *Лето Господне*. С. 517.

33 Там же. С. 16.

34 Живов В. М. *Святость*. Краткий словарь агиографических терминов. Москва, 1993. С. 124, с. в. «святость».

35 Макаров Д. В. Эволюция световых образов в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2019. № 4 (35). С. 257–278.

смерти Шмелёва. Наиболее интересно сделать это в сравнении, например, с концепцией смерти Л. Н. Толстого, у которого также образ света почти всегда возникает там, где появляется мотив смерти.

Божия забота о человеке в художественном мышлении И. С. Шмелёва не только простирается на всю земную жизнь человека, но не оставляет его и после смерти. Мир устроен хорошо, и даже смерть не страшна, потому что она тоже предусмотрена Творцом. Вот как Горкин уговаривает Ваню не бояться смерти:

«Чего ж страшиться, у Господа все обдуманно-устроено... обиды не будет, а радость-свет... <...> Значит, всем будет Воскресение. Смоди-три-взирай на святой Крест и радуйся, им-то и спасен, и тебя Христос искупил от смерти»³⁶.

Там, за порогом смерти, для И. С. Шмелёва не тьма, а свет, свет Божественный. Он пронизывает всё: и «этот», и «тот» миры. Так в творчестве И. С. Шмелёва воплощается православное учение сначала о Боговоплощении, а затем и об устремлённости к преображению человека и мира благодатью Божией.

Основа данного взгляда — догмат о Боговоплощении. Бог стал человеком, соединился с земной материей:

«Неслучайно ведь и главная истина евангельского Благовестия выражена так, что гласит нам о соединении человеческой плоти с божественной природой в Ипостаси Сына Божия: “Слово стало плотью (ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο), и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца” (Ин. 1, 14). В отражённой в этих словах тайне Боговоплощения мы находим недоступное античной и языческой культуре и философии учение о теснейшем соединении высочайшего божественного Духа и земной материи человеческого тела»³⁷.

Шмелёвский герой видит человека и мир прекрасными, уже почти преображёнными, святыми. Герой романа «Лето Господне», ребёнок, видит и чувствует этот небесный свет и в людях, и в природе. Он уже (или как младенец ещё) реально живёт умом и сердцем в Царстве Божиим, в этом *лете Господнем благоприятном* (Лк. 4, 16).

36 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 254.

37 Кирилл (Зинковский), иером. Учение о материи в сакраментально-антропологическом аспекте в трудах богословов Александрийской школы, Великих Каппадокийцев и прп. Максима Исповедника: [дис... докт. богосл.]. Москва; Санкт-Петербург, 2014. С. 76.

Что такое «лето Господне»? В Ветхом Завете, в Книге пророка Исайи, сказано:

«Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное...» (Ис. 61, 1–2).

Это год милости Божией, прощения грехов:

«В Ветхом Завете “благоприятным летом” и “годом отпущения” был юбилейный пятидесятый год; год освобождения рабов и прощения долгов (Лев. 25). О наступлении этого года объявлялось всенародно; в этом году рабы получали свободу, отпускались долги, проданные за долги земли возвращались прежним владельцам»³⁸.

По Новому Завету, наступление долгожданного Царства Божия — это пришествие в мир Христа-Спасителя.

Отныне смерть больше не страшна, ибо и там — тоже Господь. А для святых людей смерть даже желанна. Например, ап. Павел говорит:

«Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп. 1, 23).

Или слова, принадлежащие сщмч. Игнатию Богоносцу:

«Оставьте меня сделаться пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. <...> Живой пишу вам, горя желанием смерти»³⁹.

И никому из христиан телесная смерть больше не страшна.

Интересно, что не только у И. С. Шмелёва, но и у Л. Н. Толстого за порогом смерти героев встречает не тьма, а свет. Однако при кажущемся внешнем сходстве у писателя, не признающего истины Боговоплощения, то есть Л. Н. Толстого, мы находим совершенно противоположные представления как о самом этом свете, так и о смерти, а в итоге, и о жизни. В повести «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстой противопоставляет жизнь и смерть как ложь и правду. Вся жизнь героя оказывается прошедшей впустую:

38 Сергей (Соколов), еп. Толкование на группу стихов: Ис. 61, 1. URL: <https://ekzeget.ru/bible/kniga-proroka-isaii/glava-61/stih-1/>

39 Ignatius Antiochenus. Aux Romains [IV], 4.7 // SC. 10. P. 130: «Ἀφετέ με θηρίων εἶναι βόραν, δι' ὃν ἔστιν θεοῦ ἐπιτυχεῖν»; P. 134: «Ζῶν γάρ γράφω ὑμῖν, ἐρῶν τοῦ ἀποθανεῖν». Рус. пер.: Игнатий Богоносец, сщмч. Послание к Римлянам [IV], 4.7 // Писания мужей апостольских. Москва, 2008. С. [292]354, [294]356.

«Всё то, чем ты жил и живешь, есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть»⁴⁰.

А смерть оказывается «светом», возвращением к истине:

«Он искал своего прежнего страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

— Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость!»⁴¹

Свет, озаряющий толстовского героя, исходит из иного мира, как бы из-за порога смерти, из небытия. Этот свет открывает истину о том, что вообще ничего нет: ни жизни, ни смерти. Наиболее ясно это раскрывается в рассказе «Записки сумасшедшего», где герой, озарившись этим «светом», прозревает:

«И мне вдруг ясно стало, что этого всего [окружающей его жизненной обстановки. — Д. М.] не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем свет осветил меня, и я стал тем, что есть»⁴².

Этот «свет» не проникает и не преобразует человека и мир, а отрицает, он приносит герою знание, что весь мир и вся жизнь людей есть ложь и обман, более того, они не существуют вообще. Мир и люди совершенно непроницаемы для этого «света». Сам же «свет» принимается героем за истину, которая совершенно отрицает ценность бытия и утверждает иную ценность — небытие (либо бытие в «ином», на языке теософии «астральном», мире). Здесь Толстой сближается с теософией и вообще с оккультизмом. Как не вспомнить тут евангельское предостережение:

«Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?» (Лк. 11, 35).

Но Л. Н. Толстому и в голову не приходит, что он может обмануться в своих чувствах, мыслях и ощущениях. Он чрезвычайно привык доверять себе и собственным мыслям вопреки правилам аскетики: не принимать никаких видений, откровений, образов, в том числе, света, запаха и т. п. Иначе очень легко можно попасться на удочку демонического

40 Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. С. 111:30–31.

41 Там же. С. 113:23–24.

42 Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего // ПСС. 1936. Т. 26. С. 474.

прельщения. Примечательно, что, как отмечено в комментариях собрания сочинений, основа рассказа «Записки сумасшедшего» — случай, реально произошедший с самим Л. Н. Толстым⁴³.

Герой И. С. Шмелёва тоже видит свет. Но у И. С. Шмелёва это не мистический свет иного плана бытия, а «Свет разума» или «Свет вечный» — свет православной веры, свет деятельного добра, несущий радость человеческой душе. Этот свет, прежде всего духовный, исходит от Бога и через Церковь просвещает каждого человека и весь мир. Как было показано в других исследованиях⁴⁴, источниками света в мире являются у Шмелёва православные монастыри, храмы, святые и праведные люди. Так, в рассказах «Свет разума» и «Свет вечный» автор показывает, что в условиях послереволюционного террора и голода последнее прибежище русского человека, единственная сила, способная сохранить его человеческий облик, — это православная вера: «Отними у народа храм — кабак остался!»⁴⁵ И за сохранение этого света ратует герой рассказа «Свет разума»: дьякон, даже превышая свои права, борется с соблазнительями и расхитителями Церкви и стада Христова. Он проповедует:

«Братики, не угасайте! Будет Свет!.. Нет у нас свечек, говорю, возжём сердца!»⁴⁶

И сердца народные озаряются Светом разума, и этот Свет — правая вера, милосердие и сострадание.

В общем контексте рассказа Свет — это Христос. О Нём поётся в Рождественском тропаре: «Воссия мирови Свет Разума...», а в Евангелии от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5). Он прогоняет сомнения, возвращает надежду. И автор-повествователь в данном рассказе после слов дьякона чувствует преображение души:

43 Так, приступ «тоски и страха», охвативший героя рассказа в Арзамасе, в некоторой степени может быть соотнесён с переживаниями самого Толстого во время его поездки в 1869 г. в Пензенскую губернию. Он писал об этом своём состоянии 4 сентября 1869 г. С. А. Толстой: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. <...> Я вскочил, велел закладывать». См.: *Толстой Л. Н.* [82.] 1869 г. Сентября 4. Саранск // ПСС. 1938. Т. 83. С. 167–168.

44 Макаров Д. В. Монастырь в жизни и творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2022. № 4 (47). С. 227–255.

45 Шмелёв И. С. Свет разума // *Он же.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 1998. С. 78.

46 Там же.

«Конечно... и здесь — Свет Разума, — сказал я и почувствовал, что дубовая клёпка с моей головы спадает»⁴⁷.

Преображение, оживотворение или просто оживление человеческой души, пробуждение от тяжкого сна забвения или появление веры в Бога и в бессмертие человеческой души — вот те плоды, которые приносит герою И. С. Шмелёва встреча со Светом. Вот характернейший пример из рассказа «Свет вечный». Герой-повествователь (землемер) оказывается в тюрьме вместе с семьёй Упорова — крепкого мужика старой (патриархальной) закваски. По очереди заключённых вызывают на расстрел. И вот, в последний вечер перед смертью Упорова и его сыновей, герой прозревает в душе одного из них (младшего сына Андрея) «свет вечный»:

«В беседы наши Андрей сидел понурый. О чём он думал? Мне вспомнилось утро, как кликнул его отец: “Андрюшка...” — вспомнил глаза его. Всё те же они были, светлые. Я видел в них покорность, безответственность, сознание неотвратимого, — но не вины, как прежде, а жертвы, искупления, — за что? Может быть, он об этом думал. В его глазах я видел затаённое, глубинное: тоску, которую нельзя измерить. Вот тогда я понял... не логикой, не плоско, а глубинно... таинственным, духовным зрением, что так, неискупимо, не может быть. Подспудностью душевной понял: это — умереть не может. Свет его глаз, свет вечный, проник в меня и осветил потёмки»⁴⁸.

Верующий человек у И. С. Шмелёва несёт в себе «свет вечный» — свет благодати Божией, реально (и в то же время тайно) присутствующей в человеческой душе. Другой, ещё не просвещённый этим светом человек, у которого «потёмки» в душе, узревает этот Свет таинственным, непостижимым для плоского ума и логики образом — и преображается. Тьма в душе его рассеивается, в ней появляется свет веры.

Возвращаясь к сопоставлению с Л. Н. Толстым, можно отметить, что и у Л. Н. Толстого, и у И. С. Шмелёва свет помогает преодолеть тяготу жизни, по-своему окрыляет человека. Так, например, у героев Л. Н. Толстого исчезает внутреннее «раздирающее», вызванное страхом смерти, а у героев И. С. Шмелёва спадает «дубовая клёпка» (ожесточение и нечувствие души) — одеревеневшая голова, душа, замершая от страха. На первый взгляд, это похожие действия, но по содержанию они глубоко различны. Свет Л. Н. Толстого утверждает истину небытия,

47 Шмелёв И. С. Свет разума. С. 88.

48 Шмелёв И. С. Свет вечный // Он же. Собрание сочинений. Т. 3. Москва, 1998. С. 224.

смерть воспринимается им как благо, как уничтожение лжи и облегчение жизни других:

«Да, я мучаю их, — подумал он. — Им жалко, но им лучше будет, когда я умру»⁴⁹.

После «озарения» герой «Записок сумасшедшего» пытается копировать поведение святых, насколько он его понимает:

«Тут же на паперти я роздал, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищим и пошёл домой пешком, разговаривая с народом»⁵⁰.

Но эта лёгкость отречения от мира и связанная с этим радость героя имеют совсем не христианскую основу. Они утверждаются не на убеждённости в вечной жизни, а на отрицании земной жизни:

«...а нет этого [жизни. — Д. М.], то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего»⁵¹.

Не боится потому, что ему представилось, что ничего нет, что всё — ложь. Жизнь в лучшем случае — сон, в худшем — болезнь, а смерть — пробуждение, выздоровление.

У И. С. Шмелёва же Свет Разума, напротив, утверждает великую ценность не только вечного, но и нашего земного бытия. Этот Свет воссиял в нашем мире с Рождеством Спасителя и теперь всегда присущ нашей жизни. И. С. Шмелёв показывает, что мы можем строить свою жизнь либо в соответствии с велениями этого Света Разума, либо не подчиняясь, противоборствуя ему, что мы можем жить, зная и чувствуя его, либо забывая о нём и избегая его. И ценность нашей жизни зависит от того, сколько мы даём в себе места этому Свету. Герои И. С. Шмелёва (от первых до последних) постоянно живут либо в присутствии, либо в поиске этого Света. Автобиографический герой, ребёнок, видит весь мир, пронизанный этим Божественным Светом:

«И всё, что ни вижу я, кажется мне святым»⁵².

Юноша — «двадцатилетний студент, “шатнувшийся от Церкви”»⁵³, всё же узревает, что Валаам «светит миру», а самим монахам на Валааме

49 Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. С. 113:3–4.

50 Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего. С. 474.

51 Там же.

52 Шмелёв И. С. Богомолье. С. 517.

53 Шмелёв И. С. Старый Валаам. С. 346.

«светит Свет Христов»⁵⁴. И уже взрослый (тоже автобиографический) герой И. С. Шмелёва, столкнувшийся со страшными скорбями, со смертью лицом к лицу, в терзаемом красным террором и голодом Крыму, испытывая колебания веры, всё же возрождается, укрепляется в вере, когда луч Божественного света посредством милосердия, оказанного ему «милосердным самарянином» своего времени — одним из местных татар — касается его сердца:

«С неба вестник!.. Старый татарин прислал подарок. Не долг это, а подарок... Теперь ничего не страшно. Теперь их нет. Знаю я: с нами Бог! Хотя на один миг с нами. Из тёмного угла смотрит, из маленьких глаз татарина. Татарин привёл Его! Это Он велит дождю сеять, огню — гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! Ты солнце вложил в сучок и его отдаёшь солнцу... Ты всё можешь! Не уходи от нас. Господи, останься. В дожде и в ночи пришёл Ты с татаринном, по грязи... Пребудь с нами до солнца! Тянется светлая ночь у печки...»⁵⁵.

Тьма скорбей и откровенного зла не поглощает Света. Он всё равно пробивается к человеку, если не снаружи, так изнутри. В эпопее «Солнце мёртвых» основная проблема добра и зла (или даже временного торжества зла) художественно разрешается И. С. Шмелёвым при помощи образов света и тьмы. Ряд образов перекликается: свет — солнце и дрова («сучок», в который вложено Богом солнце — источник автономного света — символ человека), тьма — и ночное время суток, и мировая ночь. С наступлением ночи источником света для героя становятся дрова, горящие в печке. А с наступлением мировой ночи неверия и торжества зла, пришедших на Русь вместе с революцией, источником нравственного света остаются только способные на милосердие человеческие сердца. Промыслительно разрушается «внешнее солнце»: императорская Россия и весь поддерживаемый ею порядок жизни разрушаются, чтобы сильнее просияло «внутреннее солнце»: вечное, духовное содержание человека, то «солнце», которое Бог вложил в «сучок», то есть в человека. Чтобы преодолеть внешнюю тьму, по подобию Данко из рассказа М. Горького, необходимо возжечь сердце. У И. С. Шмелёва это делает и к этому призывает «мужицкий дьякон» из рассказа «Свет Разума»:

54 Шмелёв И. С. Старый Валаам. С. 412.

55 Шмелёв И. С. Солнце мертвых // Он же. Собрание сочинений. Т. 1. С. 610.

«Нет у нас свечек, — говорю, — возжём сердца! И возжгли!»⁵⁶

Но у И. С. Шмелёва, в отличие от горьковского Данко, за этим Светом стоит Свет Божий. Его невозможно ни уничтожить, ни втоптать в грязь, ни победить. Он озаряет душу великой надеждой — дожидаться возвращения самого Солнца, наступления Зари Нового Дня:

«Братики, не угасайте! Будет Свет!»⁵⁷

Пока не взошло Солнце, надо сохранить Свет в своей душе.

Свет Разума, «свет вечный» у И. С. Шмелёва и «свет» у Л. Н. Толстого — оба имеют неземное происхождение. Они исходят из иного мира, из-за грани жизни естественной. Свет Толстого не пронизывает бытия мира, открывает герою ложь жизни и истину небытия. Эти выводы Толстого непосредственно связаны с его религиозными убеждениями. Как известно, Л. Н. Толстой не верил ни в божественность Иисуса Христа, ни в Боговоплощение, ни в Воскресение Христово, ни в бессмертие души. Вот как писал о вере Л. Н. Толстого свт. Феофан Затворник после прочтения его «Евангелия» и статьи «В чём моя вера»:

«Первое [“Евангелие” Толстого. — Д. М.] есть полное искажение настоящего Евангелия. А вторая [статья «В чём моя вера». — Д. М.] — ужас!.. Отрицание всех догматов — и всё во имя учения Христа, кривотолком искажённого. Все догматы, говорит, выдумала церковь, испортив учение Христа. А у него и Христос не истинный наш Господь Спаситель, а что-то туманное. Ни Троицы, ни воплощения, ни воскресения, ни бессмертия. Жизнь наша здесь начинается и здесь кончается»⁵⁸.

И Л. Н. Толстой, и И. С. Шмелёв уделяли большое внимание проблеме смерти. Обоим интересуют сущность загробного мира, посмертная судьба героя, обстоятельства смерти, отношение к смерти в обществе, проблема страха смерти и преодоления вызванного этим страхом страдания. При этом у И. С. Шмелёва все проблемы решаются в контексте православной традиции, поэтому для него нет тёмных пятен и, в принципе, всё ясно. Однако смерть всё же страшна. Ваня («Лето Господне») боится смерти, но не как загробного бытия души, а скорее боится всех

56 Шмелев И. С. Свет разума. С. 78.

57 Там же. С. 77.

58 Феофан Затворник, свт. Письмо 792. Злые посевы. Вред, причиняемый сочинениями Льва Толстого для веры, церкви и отечества // Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуск V и VI. Москва, 1994. Т. V. С. 78.

связанных с ней атрибутов: креста, могилы, червей, черепа, костей и т. п. А у Л. Н. Толстого, по сути дела, нет традиции, и он вырабатывает собственное понимание смерти, поэтому у него много неясностей. Основная проблема, стоящая перед ним, — преодолеть страх смерти. Его герои: Иван Ильич и другие — испытывают перед ней панический страх. Посмотрим, как преодолевают этот страх герои И. С. Шмелёва и Л. Н. Толстого.

У И. С. Шмелёва герои находят утешение в истинах, содержащихся в православной вере:

«Нет у покойников никаких, а все живые у Господа... Всем будет Воскресение... Обиды не будет, а радость — свет»⁵⁹.

Герои Л. Н. Толстого — Иван Ильич, князь Андрей («Война и мир») и особенно герой «Записок сумасшедшего» — преодолевают страх в личном мистическом опыте: «Вместо смерти был свет»⁶⁰ и т. п. Может показаться, что действие похожее. Но какова природа и каковы источники этих светов? Источник света у И. С. Шмелёва — православная вера, Церковь и Сам Господь Иисус Христос, а природа его — благодать Божия. Весь мир пронизан этим светом, а человек преображён, просветлён.

У Л. Н. Толстого не ясны ни природа, ни источник света. Можно подумать, что свет — это какая-то энергия, сообщающая человеку ощущение, которое лучше ощущения жизни. В этих исканиях Толстого поражает его близость к идеям теософии и спиритизма. Вот что пишет, например, об учении Сведенборга иеромонах Серафим (Роуз):

«Согласно этому учению, в “астральную плоскость” (или “плоскости”, — в зависимости от того, как рассматривать это царство — как целое или по отдельным “слоям”) входят после смерти и, как в учении Сведенборга, нет внезапного изменения состояния и нет суда; человек продолжает жить, как и прежде, но только вне тела, и начинает “проходить через все подплоскости астральной плоскости на своем пути к небесному миру”⁶¹. Каждая следующая подплоскость оказывается все более утонченной и “обращенной внутрь”; прохождение через них, в отличие от страха и неуверенности, вызываемых христианскими мытарствами, является временем удовольствия и радости: “Радость бытия на астральной плоскости так

59 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 254.

60 Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. С. 113:22.

61 Powell A. E. The Astral Body. Wheaton (Ill.), 1972. P. 123.

велика, что физическая жизнь в сравнении с ней вообще не кажется жизнью... Девять из десяти возвращаются в тело с большим нежеланием» (стр. 94)⁶².

Вполне возможно, что Л. Н. Толстой в своей попытке проникнуть за грань жизни, заглянуть в неведомое встретился с теми же идеями, которые вдохновляли теософов, спиритов и вообще многих самочинных мистиков-окультистов. Конечно, с православной точки зрения, это «прелесть», ибо Л. Н. Толстой шёл не дверями (церковным путём), а пытался перелезть *инуде* (Ин. 10, 1) и самостоятельно заглянуть в мир иной.

Характерно, что в художественном мире И. С. Шмелёва прийти к Богу и узреть Его Свет человек может не только за гранью жизни, как у Толстого, а уже здесь, в земной жизни, причём это никак не нарушает естественного течения его жизни, по крайней мере, внешнее её течение. Самые простые люди (и монахи, и миряне) являются у И. С. Шмелёва носителями и очевидцами этого света. Вообще, для И. С. Шмелёва, как и для православия в целом, характерно удивительное доверие к миру, к его устройству и всем институтам, во всём ему видится порядок, установленный Богом, то есть мир у И. С. Шмелёва соответствует себе и своему предназначению. Автор и герой доверяют миру как творению Божию. Конечно, у Л. Н. Толстого не так, он явно недоволен ни миром в целом, ни его законами, ни тем более жизнью людей. Л. Н. Толстой не доверяет миру и не принимает его как он есть.

Человек И. С. Шмелёва — это человек Церкви, праведник или кающийся грешник, он уже живёт в небесном свете, *в лето Господнем благоприятном*, в царстве Божией благодати. Ему не страшна телесная смерть, потому что она — только оставление душой старой одежды: «Одёжку свою на земле покинет...»⁶³. Ведь если человеческая душа уже здесь живёт в общении с Богом, имеет в себе Свет Разума (Божью благодать) — Самого Христа, то и после смерти не лишается общения с Ним. Так, Горкин рассказывает Ване («Лето Господне»), что душу праведника сопровождают ангелы, Пречистая Богородица покрывает Своим Омофором. А бесы трепещут и не могут подойти. Если же человек — нераскаявшийся грешник, то участь его иная: его забирают бесы в ад на мучение.

У Л. Н. Толстого свет иного мира отрицает бытие мира сего, не просвещает его. Мир сей — тьма, а вот за гранью смерти — свет.

62 Серафим (Роуз), иером. Душа после смерти. Москва, 2007. С. 143. [Глава VII. Выход из тела в оккультной литературе.]

63 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 253.

Они противопоставлены, как плоть и дух, как мир материальный и идеальный. Здесь чувствуется характерный признак гностического мышления — дуализм. Система мировосприятия Л. Н. Толстого здесь переключается с гностическими системами мировидения. Жизнь земная — ложь, за её гранью — истина. Свет у Л. Н. Толстого оказывает сильное действие на человека: снимает страх смерти, открывает «истину» небытия. По Л. Н. Толстому, смерть становится ни для кого не страшной. Всё дело в знании («гнозисе»). Кто это знает — перестал бояться, кто ещё не знает — боится.

В мире И. С. Шмелёва смерть страшит не всех, только грешников, причём неверующих, либо не кающихся. Для верующего же она не так страшна. Мало того, для святых она желанна. За ней открывается жизнь вечная — «духовному-то человеку»⁶⁴, как говорит один из героев очерка «Старый Валаам» отец Антипа.

У Толстого учение о мытарствах и загробном суде отсутствует. Это ещё больше сближает его мировоззрение с теософией, а также с современными оккультизмом и эзотерикой, где нет никакого представления о загробном суде, а сразу переход в иные миры (астральную плоскость бытия) к новым открытиям и наслаждениям.

Герои И. С. Шмелёва принимают смерть как последнюю скорбь на пути к вечной жизни. Причём сама эта скорбь, как и все остальные, просвещается светом веры, которая не оставляет их ни в этой, ни в той жизни. Страдания и страх смерти преодолевают герои Шмелёва силой веры, надежды, любви (милосердия), то есть как настоящие православные христиане.

Герои Л. Н. Толстого не могут принять смерть, не могут смириться с ней как личности утратившие, а точнее, не воспринявшие православия. Герои Л. Н. Толстого перед лицом смерти ужасаются, трепещут, и автор находит собственный выход — в мистическом озарении героя, в утверждении убеждения, что за гранью смерти ничего нет: ни страха ответственности, ни посмертного суда, поэтому нечего бояться. В итоге: жизни нет, смерти нет, а значит, нет ни страха, ни страдания, ни нравственного выбора (!) и никакой ответственности за свои поступки. Вот основная мысль, которую пытается внушить читателю Л. Н. Толстой: не бойся ничего (в том числе и того, что Церковь называет грехом), добро или зло не имеют значения, ибо по смерти нет никакого суда, а только свет — учение вполне антихристианское.

64 Шмелёв И. С. Старый Валаам. С. 400.

На самом же деле православное учение о смерти и посмертном суде является одним из основ благочестия. Оно становится мощным средством борьбы со грехом, с низменной частью человеческой личности, за утверждение добра и света в нравственном облике человека. Искажение же представлений о смерти ведёт к утрате нравственных ориентиров. Отвержение идеи посмертного суда и учения о воздаянии человеку за его дела на земле, характерное для Толстого, для теософии, оккультизма и современной лжемедицины с мистическим уклоном (например, Р. Моуди и многих других), приводит к смешению нравственных понятий, к уравниванию и потере различия добра и зла. Ведь действительно становится всё равно что делать: добро или зло, грех или правду, ибо нет ни суда, ни воздаяния.

Таким образом, резюмируя всё вышесказанное, можно утверждать, что положительный герой прозы И. С. Шмелёва живёт с постоянной памятью смертной, а это соответствует одной из основных православных святоотеческих аскетических установок. В художественном изображении смерти как светоносного явления И. С. Шмелёв, в отличие от Л. Н. Толстого, исходит из традиционных православных представлений.

Источники

- Ignatius Antiochenus. Epistulae vii genuinae (recensio media) // Ignace d'Antioche. Polycarpe de Smyrne. Lettres. Martyre de Polycarpe / éd. P.T. Camelot. Paris: Éditions du Cerf, 1969. (SC; vol. 10). P. 56–154.*
- Димитрий Ростовский, свт. Алфавит духовный // Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. Т. 1. Москва: Синод. тип., 1839. С. 283–465.*
- Игнатий Богоносец, сщмч. Послание к Римлянам // Писания мужей апостольских / пер. прот. П. Преображенского, ред. А. Г. Дунаева и др. Москва: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2008. (Творения святых отцов и учителей Церкви). С. [290–295] 352–357.*
- Толстой Л. Н. [82.] 1869 г. Сентября 4. Саранск // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: [в 90 т.]. Т. 83. Письма к С. А. Толстой 1862–1886. Москва: Художественная литература, 1938. С. 167–168.*
- Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: [в 90 т.]. Т. 26. Москва: Художественная литература, 1936. С. 466–474.*
- Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: [в 90 т.]. Т. 26. Москва: Художественная литература, 1936. С. 61–113.*
- Тургенев И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. Москва: Художественная литература, 1971. (Библиотека Всемирной Литературы).*

- Феофан Затворник, свт.* Письмо 792. Злые посеvy. Вред, причиняемый сочинениями Льва Толстого для веры, церкви и отечества // Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Выпуск V и VI. Москва, 1994. Т. V. С. 78–79.
- Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. Ленинград: Соборный разум; Знание, 1991.
- Шмелёв И. С.* Росстани // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 1. Москва: Русская книга, 1998. С. 157–224.
- Шмелёв И. С.* Солнце мертвых. Эпопея // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 1. Москва: Русская книга, 1998. С. 453–636.
- Шмелёв И. С.* Свет разума // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 2. Москва: Русская книга, 1998. С. 76–88.
- Шмелёв И. С.* Старый Валаам // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 2. Москва: Русская книга, 1998. С. 346–419.
- Шмелёв И. С.* Богомолье // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 4. Москва: Русская книга, 1998. С. 391–553.
- Шмелёв И. С.* Свет вечный // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 3. Москва: Русская книга, 1998. С. 216–224.
- Шмелёв И. С.* Лето Господне // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: [в 5 т.]. Т. 4. Москва: Русская книга, 1998. С. 15–390.

Литература

- Абуталиева Э. И.* Пространство и время как категории художественного сознания в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне» // Литература и культура в контексте христианства. Труды 2 международной научной конференции. Ульяновск: Ульянов. гос. техн. ун-т, 1999. С. 71–73.
- Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. Москва: Прогресс-Академия, 1992.
- Гуревич А. Я.* Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. Москва: Прогресс-Академия, 1992. С. 5–32.
- Живов В. М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. Москва: Гнозис, 1993.
- Кирилл (Зинковский), иером.* Учение о материи в сакраментально-антропологическом аспекте в трудах богословов Александрийской школы, Великих Каппадокийцев и преп. Максима Исповедника: [дис... докт. богосл.]. Москва; Санкт-Петербург, 2014.
- Серафим (Роуз), иером.* Душа после смерти. Москва: Русский Паломник, 2007.
- Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв. Москва: Скифы, 1991.
- Макаров Д. В.* Эволюция световых образов в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2019. № 4 (35). С. 257–278.
- Макаров Д. В.* Монастырь в жизни и творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2022. № 4 (47). С. 227–255.

Прокопов Т. Ф. Москворецкий Златоуст // *Шмелёв И. С.* Неупиваемая Чаша: Романы. Повести. Статьи. Москва: Школа-пресс, 1996. С. 5–46.

Сергий (Соколов), еп. Толкование на группу стихов: Ис. 61, 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://ekzeget.ru/bible/kniga-proroka-isaii/glava-61/stih-1/> (дата обращения 18.02.2024).

Черников А. П. Проза Шмелёва: концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995.

Powell A. E. The Astral Body. Wheaton (Ill.): The Theosophical Publishing House, 1972.